

УДК 304

**ИДЕЯ СЛАВЯНСКОГО
КУЛЬТУРНОГО ТИПА:
ТРИ ПРОЕКТА**

Матяш Тамара Петровна

Доктор философских наук, профессор,
Донской государственной технической
университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: tamara.matiash@yandex.ru

В статье показано, почему с середины XIX в. в Европе и России активизировался интерес к проблеме существования славянского культурного типа; рассмотрены различные решения этой проблемы, а также выявлены их теоретико-методологические предпосылки.

Ключевые слова: славизм, византизм, славянский мир, западные и южные славяне, панславизм, революция 1848 г., революционные и контрреволюционные народы, революционно-освободительная борьба, духовное родство славян.

**THE IDEA OF SLAVIC
CULTURAL TYPE:
THREE PROJECTS**

Matyash Tamara P.

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Don State Technical University,
Rostov-on-Don,
e-mail: tamara.matiash@yandex.ru

In the article the reasons of more active interest in the problem of the existence of Slavic cultural type from the middle of the nineteenth century in Europe and Russia are shown; various solutions of this problem are described, and their theoretical and methodological backgrounds are found out.

Keywords: Slavism, Byzantism, Slavic world, western and southern Slavs, Pan Slavism, the revolution of 1848, revolutionary and counter-revolutionary peoples, revolutionary-liberation struggle, spiritual kinship of Slavs.

Интерес к осмыслению места и роли славянских народов в европейской цивилизации актуализировался в западноевропейской мысли, когда славяне «напоминали» о себе действиями наподобие гуситских войн в первой половине XV в. Революция 1848 г. вновь актуализировала тему славян и славизма¹ [1, с. 390], проанализировать основные про-

¹ Понятием «славизм» К.Н. Леонтьев обозначал славянскую культуру в единстве религиозных, юридических, бытовых, художественных отличительных признаков.

блемы которой К. Маркс поручил Ф. Энгельсу, опубликовавшему в 1849 г. в газете *Neue Rheinische Zeitung* ряд статей.

Теоретико-методологические и политико-экономические предпосылки, на которых базировались выводы Энгельса в отношении славян, включали, во-первых, толкование истории как естественно-исторического процесса; во-вторых, признание революции 1848 г. двигателем прогрессивного развития Европы, а также объективной и абсолютной ценности политических и экономических интересов революционных народов. Любое исследование, тем более касающееся исторических, экономических, политических и т.д. вопросов, всегда базируется на определенных предпосылках, допущениях, определяющих как ход самого исследования, так и его результаты. Выбор предпосылок определяется не только проблемной ситуацией, но и личностными предпочтениями ученого, что общепризнано в эпистемологии. Поэтому никаких претензий к Ф. Энгельсу по поводу того, что он рассуждал о славянах с позиции революции и революционных народов тогдашнего времени, прежде всего немцев и мадьяр, быть не может. И тем не менее ему не удалось удержать свою мысль в рамках допущений, носящих конкретно-исторический характер, что обернулось появлением категорических суждений по славянскому вопросу.

Следуя первой предпосылке, Ф. Энгельс объяснял распад единого славянского мира на «обломки», угнетение их «в течение тысячелетия» и утрату ими своих национальных особенностей неминуемой логикой истории. История распорядилась так, что тысячу лет назад на территорию славянских народов вторглись с запада немцы, а с востока – мадьяры, и единый славянский народ, компактно проживающий в VIII–IX вв. на территории, простирающейся «к югу от Судетских и Карпатских гор, в верхней долине Эльбы и в области Среднего Дуная», распался на «обломки», которые неминуемо «становились отсталыми как культурно, так и экономически, утрачивали способность создать национальную буржуазию, промышленность, национальную культуру». Когда речь идет о неумолимой логике истории, то экзистенциальные переживания бессмысленны. Поэтому Ф. Энгельс безо всяких сожалений констатирует, что славяне, как западные (чехи, словаки, сербы, поляки, полабы), так и южные (болгары, македонцы, сербы, хорваты, боснийцы, черногорцы, словенцы), превратившись в «осколки», «обломки» когда-то единого славянского народа, оказались «прикованными к пришедшим завоевателям их территорий» [2, с. 179–180]. Такова исторически неизбежная судьба славян, а с неизбежностью спорить невозможно.

Но славяне решили поспорить. Случилось это в годы революции 1848 г., которая, как писал Ф. Энгельс, «заставила все европейские народы высказаться за или против нее», и «в течение одного месяца все народы, созревшие для революции, совершили революцию, все не созревшие для революции народы объединились против революции». К народам, «созревшим для революции», он относил французов, немцев, итальянцев, мадьяр. Славяне же, включая и русских, за исключением поляков, не созрели, с точки зрения Ф. Энгельса, для революции, и «были окончательно брошены в объятия контрреволюции» [3, с. 301–302]. Контрреволюционность славян состояла в том, они предпочли буржуазной революции борьбу за национальную самостоятельность, которую Ф. Энгельс называл «жалкой» и расценивал как предательство революции. Южные славяне, писал он, «только для того поднялись в 1848 г. на борьбу за восстановление своей национальной независимости, чтобы... подавить немецко-венгерскую революцию» [2, с. 184].

Предпосылки, из которых исходил Ф. Энгельс, не позволяли ему по-иному оценить действия славян и признать, что, защищая свою национальную самостоятельность, они мужественно заявили о своем несогласии смириться с положением навсегда «прикованных к пришедшим завоевателям их территорий». Освободительные устремления славян свидетельствовали о неполной их ассимиляции с захватчиками, о несовпадении их национальных интересов и интересов их завоевателей. Но из допущений, на которых Ф. Энгельс строил свои рассуждения о славянском вопросе, логически безупречным был только один вывод: борьба славян за свое национальное освобождение есть предательство революции, потому что, с точки зрения указанных допущений, революционные интересы немцев и мадьяр по объективности и исторической значимости превосходили национально-освободительные устремления славян.

Контрреволюционность славян и русских Ф. Энгельс обосновывал в контексте конкретно-исторических допущений, связанных с революцией 1848 г. Но его утверждение, согласно которому контрреволюционность славян, в частности южных (сербов, босняков, болгар, фракийцев, македонцев), была присуща им и до революции 1848 г., никак логически не обосновывается упомянутыми допущениями. Для обоснования этого утверждения он формулирует некий социологический закон, согласно которому любые народы и народности, не имеющие будущего, неизбежно становятся «фанатическими носителями контрреволюции». «Таковы во Франции бретонцы, опора Бурбонов с 1792 до 1800 г. Таковы в Испании баски, опора дон Карлоса. Таковы в Австрии пансла-

вистские южные славяне» [3, с. 294]. Те народы, у которых отсутствуют необходимые исторические, географические, политические, промышленные условия самостоятельности, лишены жизнеспособности и с неизбежностью обречены на историческую смерть. Поэтому «ни один славянский народ не имеет будущего»¹.

Но в рассуждениях Ф. Энгельса пропущена одна важная логическая связка, а именно указание на то, что перманентная контрреволюционность славян, обусловленная отсутствием у них будущего, порождена угнетателями, откуда следует, что борьба за независимость была единственно возможным путем выхода славян из положения аутсайдеров исторического развития и подключения их к общеевропейскому развитию. То есть обретения ими будущего.

Но прийти к таким суждениям Ф. Энгельс не мог, так как считал, что народы (в частности, немцы и мадьяры), расколовшие единую славянскую народность, были не угнетателями, а благодетелями. Славяне, писал он, давно исчезли бы с исторической сцены, если бы не немцы и мадьяры, сохранившие «обломки» славянских народностей от отуречивания, как это произошло с босняками² [2, с. 180]. Получалось, что немцы и мадьяры разрушили славянское единство, повинуюсь законам исторического развития, и винить их славяне не должны. А вот благодарить немцев и мадьяр славяне обязаны за сохранение национальной идентичности образовавшихся «обломков» славянских народов. Но вместо того чтобы отблагодарить своих спасителей и «заплатить» им «даже переменной своей национальности на немецкую или мадьярскую» (курсив. – Т.М.), австрийские славяне, сетовал Ф. Энгельс, создали «заведомо реакционную» идею панславизма, некий «свой Зондербунд»³, или «союз всех малых славянских наций и национальностей Австрии и,

¹ Правда, Ф. Энгельс признавал историческое будущее за поляками и русскими. Русские – в силу того, что они «сильны сами по себе». Поляки же поддержали революцию 1848 г., связав с нею освобождение Польши. Слова «поляк» и «революционер» стали синонимами. Будучи единственным славянским народом, которому свобода дороже славянства, поляки, писал Ф. Энгельс, обеспечили себе «симпатии всей Европы», что, несомненно, служит гарантом восстановления их национальности [3, с. 294].

² Так думал Ф. Энгельс в 1849 г. Но уже в 1862 г. И.С. Аксаков писал, что «только ненависть латино-германского мира к миру славянскому может объяснить холодное равнодушие Европы к подвигам мученичества православных христиан на Востоке, отстаивающих свою веру и независимость против магометанского варварства и тирании» [4, статьи за 1862 г.].

³ Зондербунд (нем. *Sonderbund* – «особый союз») – объединение в 1843 г. семи католических кантонов Швейцарии, клерикалы которых были недовольны проводимыми либеральными реформами, направленными на подчинение церкви государству, введение свободы преподавания, конфискацию монастырского имущества для благотворительных целей и т.д.

во вторую очередь, Турции». Этот союз, писал он, нацелен на борьбу против революционных устремлений немцев и мадьяр и на «создание славянского государства под владычеством России» [3, с. 304]. Другими словами, Ф. Энгельс приписывал идее панславизма не только политический, но и моральный изъян.

Славяне возлагали на идею панславизма большие надежды, так как хотели, как утверждал Ф. Энгельс, продлить наперекор жесткой поступи истории заканчивающееся историческое время своего существования. Спасение славяне видят «только в регрессе всего европейского движения, которое они хотели бы направить не с запада на восток, а с востока на запад. Орудием же освобождения и объединяющей связью является для них русский кнут» [2, с. 184]. Панславистские устремления славян, с точки зрения Ф. Энгельса, идут наперекор логике исторического развития, а потому они контрреволюционны.

Еще раз отметим, что, базируясь на своих допущениях, Ф. Энгельс вполне логично пришел к выводу о контрреволюционности идеи панславизма, так как в ней общеславянская национальность была поставлена «выше революции»¹ [3, с. 304].

Под подозрение в контрреволюционности подпало у Ф. Энгельса и православие. И хотя тема контрреволюционности православия в этих статьях² специально не рассматривается, но, приведя слова патриарха Раячича³: «Будьте покорны императору, дабы императорские войска не относились к вам как к мятежным мадьярам» [3, с. 303], Ф. Энгельс, по сути, обозначил свое отношение к православию как религии, подпитывающей контрреволюционность исповедующих его славян.

¹ Перманентной контрреволюционности славян избежали, как считал Ф. Энгельс, только поляки, поддержавшие революцию 1848 г. и выступившие «против панславистской контрреволюции в союзе со своими старыми врагами – немцами и мадьярами». Он не расценивал этот союз как предательство поляков, а, напротив, утверждал, что поляки, заключив союз с врагами славянства – немцами и мадьярами, попали в колею истинного исторического развития, и это обеспечит им жизнеспособность и будущность. Но, по видимому, понимая, что действия поляков небезупречны с моральной точки зрения, Ф. Энгельс усиливает аргументы в защиту союза поляков с немцами и мадьярами, сообщая, что «их угнетают главным образом свои же собственные так называемые славянские братья, и ненависть к русским у поляков даже сильнее – и с полным правом, – чем ненависть к немцам» [4, с. 179]. Кстати, остался без ответа вопрос, почему «ненависть к русским у поляков даже сильнее – и с полным правом, – чем ненависть к немцам», хотя именно немцы с мадьярами разрушили единство славянского народа, и его «обломки» оказались под их гнетом. Но слово сказано: поляки ненавидят русских. И это слово больно отзовется в дальнейшей истории взаимоотношений поляков и русских.

² Речь идет о статьях «Борьба в Венгрии» и «Демократический панславизм».

³ Патриарх Иосиф (1785–1861) – первый патриарх восстановленного Сербского патриархата Православной церкви.

В размышлениях Ф. Энгельса об отсутствии у славян будущего и связанного с этим перманентной их контрреволюционности есть одна логико-теоретическая небрежность. Допущения, на которых он базировал исследование славянского вопроса, имели конкретно-историческое содержание, а полученные на их основе выводы, включающие оценочные суждения, относились к разряду категорических суждений, предопределивших на многие десятилетия отношение Европы к России, русскому народу и славянам вообще. Приведем примеры. Объясняя контрреволюционность русских тем, что они «еще далеки от революции» [3, с. 293], не созрели для неё, Ф. Энгельс расценил эту «незрелость», имеющую конкретно-исторический характер, как вневременное свойство русских, которое оправдывает перманентную ненависть к ним немцев. Отсюда и соответствующие высказывания: «Ненависть к русским была и продолжает еще быть у немцев их первой революционной страстью» [3, с. 306]. И совсем уж экстремистское заявление: «За это трусливое, подлое предательство революции мы когда-нибудь еще жестоко отомстим славянам» [3, с. 302].

Рассматривая проблему контрреволюционности славянских народов в контексте революции 1848 г., то есть конкретно-исторически, Ф. Энгельс затем безо всяких обоснований придает контрреволюционности свойство всеобщности, утверждая, что оно будет присуще славянам «до момента полного их уничтожения или полной утраты» ими «своих национальных особенностей». «В ближайшей мировой войне, – писал он, – с лица земли исчезнут не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы», к каковым относятся славяне. И это, как утверждал Ф. Энгельс, будет «прогрессом» [2, с. 183, 186].

Категоричные суждения по поводу будущей судьбы славян высказывал он и в полемике с М. Бакуниным, который в брошюре «Призыв к славянам» призывал славян к беспощадной борьбе «не на жизнь, а на смерть, пока, наконец, славянство не станет великим, свободным и независимым». Европа, как утверждал Ф. Энгельс, не позволит создать у «своих ворот» общеславянское государство, контрреволюционное по определению. Германия объявит славянству «беспощадную борьбу не на жизнь, а на смерть». Даже братский союз всех европейских народов может быть, как считал Ф. Энгельс, только союзом «революционных народов против контрреволюционных», союзом, осуществленным «не на бумаге, а только на поле сражения» [3, с. 290].

Категорические суждения о перманентной контрреволюционности славян Ф. Энгельс высказал не в научном журнале, который доступен узкому кругу специалистов, а в газетных статьях, что способствова-

ло популяризации этих суждений среди широкого круга читателей. Средний европеец, как правило, не обладает способностью критической рефлексии, предполагающей хотя бы минимум знаний о славянских народах и их истории. Поэтому он усвоил только то, что русские достойны презрения и ненависти. И если Запад всегда настороженно относился к России, то после событий 1848 г. отношение к ней резко ухудшилось, чему в немалой степени способствовали газетные публикации Ф. Энгельса.

Прошло более десяти лет после этих публикаций, а западная пресса продолжала изливать поток злобы и ненависти к русскому народу и славянам вообще. Отечественные интеллектуалы, страшась потерять благосклонность своих западных коллег, впадали в «смирненное и унижительное безмолвие», даже когда европейцы «честят нас именем варваров и чуть-чуть не людоедов», а если и отвечали, то «бледно и вяло». «Идея русской народности» стояла «одиоко и безоружно» «на обширном и шумном поле европейской публицистики» [4]. Пришло время понять, писал И.С. Аксаков, что «благосклонности Запада мы никакую угодливостью не купим», так как «ненависть, нередко инстинктивная, Запада к славянскому православному миру происходит от... глубоко скрытых причин; эти причины – антагонизм двух противоположных духовных просветительных начал, и зависть дряхлого мира к новому, которому принадлежит будущность» [4]. России надо обрести силу, способную заставить Европу относиться к ней с уважением. Такой силой, согласно убеждениям И.С. Аксакова, может стать сочувствующий и связанный с нами родством крови и духа мир славянский вообще и мир православный в особенности. Другими словами, старшие славянофилы, и в частности И.С. Аксаков, уповали на идею панславизма. Залогом успеха её реализации является, как считали они, существование славизма, то есть особой и богатой славянской культуры, сложившейся на родстве крови и духа славян. И.С. Аксаков считал славизм новым духовным просветительным началом, за которым будущность, и именно славизм, по его мнению, вызывает «зависть дряхлого мира». В основе духовного родства славян, как считал он, лежит славянский язык, на котором все славяне славят Бога. Поэтому так восторженно приветствовал И.С. Аксаков возвращение в 1861 г. празднования Русской православной церковью святых первоучителей славянских Кирилла и Мефодия, которым, как считал он, «мы, славяне, обязаны больше, чем грекам». Забвение в течение нескольких веков Русской церковью этих сла-

вянских первоучителей произошло, вероятно, как писал И.С. Аксаков, не без влияния греков, которых св. Кирилл относил к трезычникам¹.

Не анализируя, как это делал Ф. Энгельс, политических, территориальных, экономических факторов жизни славян, И.С. Аксаков уповал на духовное родство славян, не учитывая, что оно строится не столько на единстве крови и языка, сколько на единстве религиозной веры. Этого-то единства у славян и не было, что проблематизировало претворение идеи панславизма в жизнь. Не почувствовав этой проблематичности и считая чужеземное иго главным препятствием к объединению славян, И.С. Аксаков приписал России «историческое призвание, нравственное право и обязанность» освобождения славянских народов от материального и духовного гнета. В этом он видел «повинность», налагаемую на Россию историей. Исходя из той же, что и Ф. Энгельс, предпосылки, состоящей в признании объективного хода истории, И.С. Аксаков, в отличие от Ф. Энгельса, предвещавшего неизбежный уход славянских народов с исторической сцены, напротив, утверждал, что будущее Европы и мира за славянскими народами. Несмотря на постоянное угнетение, они упорно и мужественно сохраняли свою народность, которая дошла до наших дней «почти не поврежденною», и это свидетельствует об их жизнестойкости. Сохранение славянской идентичности и есть залог возможности реализации идеи панславизма, которая будет способствовать историческому возвышению не только славян, но и России. Славянское объединение, как надеялся И.С. Аксаков, обогатит культуру России, славянские истоки которой погребены под слоем заимствований.

Для реализации идеи панславизма необходимо, как считал И.С. Аксаков, начинать с установления духовной связи славян с Россией, «связи, без которой их собственное, самобытное развитие и преуспеяние – немыслимо и невозможно! Пусть помнят это славяне!». Но установлению этой духовной связи должно предшествовать освобождение славян от гнета. Идея освобождения славян была с энтузиазмом воспринята всем русским народом, который, совершенно не зная этих политических аргументов, а только из чувства жалости и сострадания к своим угнетенным братьям-славянам пришел им на помощь. Все русские газеты, видя бескорыстное желание русского народа помочь своим братьям-славянам, писали, что русские хотят «не покорять, не приобретать, не расширять свои границы» за счет славянских земель, а освободить их. Но тогдашняя Европа расценила заявления о бескорыстности

¹ Св. Кирилл именовал трезычниками ревнителей идеи, согласно которой славить Бога дозволено только на трех языках: еврейском, греческом и латинском (И.С. Аксаков ссылается на работу о древних канонах св. Кириллу и Мефодию. М., 1856. С. 9).

русской помощи славянам как свидетельство неискренности, лживости, безнравственности варварского русского народа, который, прикрываясь словами о бескорыстной помощи славянам, на самом деле пытается реализовать русскую идею о панславистской империи, диктующей законы Европе. Объясняя, почему Запад не поверил русским, Ф.М. Достоевский писал, что Россия, заявляя о бескорытности своей помощи славянам, продемонстрировала несовместимые с западноевропейскими цивилизационные ценности, и Запад воспринял такого рода заявления как прямую цивилизационную угрозу [5, с. 308].

В годы повальной увлеченности в России идеями славизма и панславизма, только К.Н. Леонтьев осмелился утверждать, что славизма в действительности не существует. Несмотря на то что его аргументы по этому вопросу достаточно известны, кратко напомним некоторые из них. Изучая реальные процессы, происходящие на православном Востоке, в частности поведение болгар в отношении греков, он пришел к выводу, что никакого «славизма как культурного типа или нет уже, или еще нет; или славизм погиб навсегда, растаял вследствие первобытной простоты и слабости своей, под совокупными действиями католичества, византизма, германизма, ислама, мадьяров, Италии и т.п., или... славизм не сказал еще своего слова и таится, как огонь под пеплом...» [1, с. 57]. То, что старшие славянофилы называли славизмом, существует «только как племенное этнографическое отвлечение», как «идея общей крови (хотя и не совсем чистой) и сходных языков». Но кровь и язык не могут быть почвой для культуры, так как в них нет никакого «положительного организующего содержания». Идеал общеплеменного объединения на основе только общей крови и общего языка лишен «всякой сложной системы особо славянских идей», всякого творческого начала. Более того, кровь, если она чистая, приводит к «бесплодию духовному», а потому неслучайно «все великие нации очень смешанной крови» [1, с. 38–39]. В славизме как культурном типе должны существовать общие для всего славянского мира «всемирно-оригинальные» идеи: религиозные, государственные, юридические, бытовые, художественные, которые организовывали бы славянский мир в некий своеобразный и признаваемый в этой своей своеобразности культурный мир, принципиально отличный от других культурных миров. Но культуры славянских народов (чехов, болгар, словаков, сербов, поляков, русских) не имеют таких общих идей. Например, чехи (самый образованный славянский народ) по своему быту, привычкам, нравственным ориентирам, юридическому воспитанию являются «немцами, переведенными на славянский язык» [1, с. 42]. Если славянская кровь и язык не могут служить

основанием для создания славянского культурного типа, стоящего «выше племенного чувства», то может быть, рассуждал К.Н. Леонтьев, Россия сможет объединиться со славянами, опираясь на общие нам религиозные основы. Но всеславянское объединение на почве общей религиозной основы также невозможно, потому что славянские народы разъединены по религии (католичество, православие, мусульманство). Причем ни один из славянских народов, кроме русского, не воспринял во всей полноте и чистоте византийский вариант православия. Так, болгары в борьбе за свое «племенное возрождение» боролись против православных греков. В новой истории болгарского народа много воспоминаний о борьбе против византизма и византийского авторитета, который «правит уже несколько веков самой великой силой славянства – Русским государством» [1, с. 54]. Учитывая этот фактор, К.Н. Леонтьев предупреждал, что болгары в дальнейшем могут стать «самым опасным для нас» славянским народом. Не подтвердилось ли это предостережение Леонтьева, когда во Второй мировой войне болгары выступили на стороне фашистской Германии?

Юго-западные славяне могут объединиться, но только, как считал К.Н. Леонтьев, политически, например на основе идеи демократического устройства общества, идеи федеративной республики. И снова удивительное пророческое предупреждение: политическое объединение славян не сможет быть долгим и прочным, так как их европеизация, увлечение идеями эгалитаризма и либерализма не могут гарантировать их приверженности к общему порядку. Поэтому Россия не может ставить свою культурно-государственную будущность в зависимость от политического объединения славян. К.Н. Леонтьев был прав. Так, юго-западные славяне, объединившись в Федеративную Республику Югославию, не сумели продемонстрировать единства славянских интересов перед лицом идеологической и военной экспансии США в конце XX в.

Не срабатывает, как считал К.Н. Леонтьев, и экономический аргумент в пользу славизма: славяне разъединены по экономическим интересам, обусловленным не в последнюю очередь различием их географического положения. Разъединение проходит и по тематике исторических и военных преданий, по национальным интересам. Отметим, что многие аргументы К.Н. Леонтьева, приводимые им для обоснования того, что славизм как культурный тип не существует, коррелятивны аргументам Ф. Энгельса [1; 3, с. 295, 299]. В отличие от Ф. Энгельса, К.Н. Леонтьев никогда не утверждал, что у славян нет исторического будущего. Напротив, он считал, что они призваны к чему-то творческому.

Для России славизм, даже если бы он существовал как культурный тип, бесперспективен, потому что русский культурный тип имеет своим истоком византизм. Это определяет наличие демаркационной линии между культурами России и остального славянского мира, predisposed к либеральному, а отнюдь не к византийскому религиозному и нравственному идеалу [1, с. 67]. И.С. Аксаков видел истоки силы и могущества России в панславизме, К.Н. Леонтьев же, напротив, заявлял, что для силы «России необходим византизм», а не панславизм. «Это горько и обидно! Но разве это неправда?» – спрашивал он у своих современников [1, с. 58–59]. Византизм в отличие от славизма, с точки зрения К.Н. Леонтьева, является культурным типом, так как складывается из ясных и понятных религиозных, государственных, нравственных, философских и художественных идей. Унаследовав от Византии специфику государственного устройства, в котором сакральный глава государства выступает защитником народа, Россия обрела государственную мощь, складывающуюся из силы духа русского народа, дисциплины и патриотизма, разумного ограничения притязаний людей на безграничные права и свободы. В дальнейшем Россия, с точки зрения К.Н. Леонтьева, обретет силу не в объединении со славянами, а в наращивании своей государственной мощи, с помощью которой она сможет помочь славянам в реализации их творческого потенциала [1]. Напомним, что еще при жизни К.Н. Леонтьев был объявлен консерватором и мракобесом в русских либеральных кругах.

Литература

1. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Храм и Церковь. М., 2003. 636 с.
2. Энгельс Ф. Борьба в Венгрии // Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. Изд. 2-е. Т. 6. С. 175–186.
3. Энгельс Ф. Демократический панславизм // Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. Изд. 2-е. Т. 6. 306 с.
4. Аксаков И.С. Славянскій вопросъ 1860–1886. Статьи изъ «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». Рѣчи въ Славянскомъ комитетѣ въ 1876, 1877 и 1878. М., 1886.
5. Достоевский Ф.М. Политическое завещание. Сборник статей за 1861–1881. М., 2006. 480 с.

References

1. Leont'ev K.N. Vizantizm i slavyanstvo // Leont'ev K.N. Hram i Cerkov'. M., 2003. 636 s.
2. Engel's F. Bor'ba v Vengrii // Marks K., Engel's F. Poln. sobr. soch. Izd. 2-e. T. 6. S. 175–186.
3. Egel's F. Demokratsicheskiy panslavizm // Marks K., Engel's F. Poln. sobr. soch. Izd. 2-e. T. 6. 306 s.
4. Aksakov I.S. Slavjanskiy vopros 1860-1886. Stat'i iz "Dnya", "Moskvy", "Moskvicha" i "Rusi". Rѣchi v Slavyanskom Komitetѣ v 1876, 1877 i 1878. M., 1886.
5. Dostoevskiy F.M. Politicheskoe zaveshchanie. Sbornik statey za 1861–1881. M., 2006. 480 s.